

Ольга Ладохина
Юрий Ладохин

*Экстраординарное
возвращение Дон
Кихота. Непривычный
взгляд на одесскую
литературу
1920—1930-х годов*

Из цикла «Филология для эрудитов»

**Юрий Ладохин
Ольга Ладохина**

**Экстраординарное
возвращение Дон Кихота.
Непривычный взгляд
на одесскую литературу 1920
—1930-х годов. Из цикла
«Филология для эрудитов»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40276325
ISBN 9785449618993*

Аннотация

Знакомые и такие разные произведения: «Самсон назорей» В. Жаботинского (1926), «Конармия» И. Бабеля (1926), «Зависть» Ю. Олеши (1927), «Время, вперед!» В. Катаева (1932). Что их может объединять? Гипотеза авторов: после Октября 1917-го и гражданской войны писатели-одесситы предприняли смелые попытки возвращения в литературное пространство любимого многими поколениями образа Дон Кихота Ламанчского, стремясь противопоставить хаосу и озлоблению идеалы рыцарства и благородства.

Содержание

Предисловие авторов	6
Глава 1. «Их всегда отличишь от нормальных людей // По готовности с мельницей драться» (поперек индекса благонадежности)	8
1.1. «Во имя Божие и имя Дамы // На тощей кляче нищий паладин...» (белая зависть к герою)	8
1.2. «Кто говорит, что умер Дон Кихот? // Вы этому, пожалуйста, не верьте...» (невероятный фейерверк возвращений героя)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Экстраординарное
возвращение Дон Кихота.
Непривычный взгляд
на одесскую литературу
1920—1930-х годов
Из цикла «Филология
для эрудитов»**

**Ольга Ладохина
Юрий Ладохин**

*Посвящается   Евгению   Михайловичу
Голубовскому*

© Ольга Ладохина, 2019

© Юрий Ладохин, 2019

ISBN 978-5-4496-1899-3

Предисловие авторов

Необычный авторский союз – кандидат филологических наук и инженер-криофизик, авторы монографии «„Одесский текст“: солнечная литература вольного города», в новой книге об одесских Дон Кихотах мы продолжаем исследование феномена одесской литературы, невероятным образом сочетающей в себе серьезность тематики с искрометным юмором, разнообразие писательских стилей с основным лейтмотивом – доминантой неиссякаемого жизнелюбия жителей юга.

Глава 1. «Их всегда отличишь от нормальных людей // По готовности с мельницей драться» (поперек индекса благонадежности)

1.1. «Во имя Божие и имя Дамы // На тощей кляче нищий паладин...» (белая зависть к герою)

По информации сайта «Хайтек», к 2020 году в Китае будет введена в действие беспрецедентная система социальных кредитов, основанная на индексе благонадежности: «Согласно ей, действия каждого жителя КНР регистрируются и оцениваются в общей базе. За нарушение ПДД и жалобы в интернете рейтинг снижают, за помощь соседям и следование плану партии прибавляют баллы» *(из статьи Юлии Красильниковой «Рейтинг благонадежности определяет судьбу каждого жителя Китая», <https://hightech.fm>, 21.07.2017).*

«Отличникам» будут предоставляться привилегии; тех, кого «отправят на Камчатку», ждут ограничения в правах.

Обладатели низкого рейтинга не смогут покупать билеты в спальные вагоны поездов и летать в самолетах бизнес-классом, недоступны им будут номера в дорогих отелях. Те, кто попал в группу «С» (а групп всего четыре: «А», «В», «С» и «D»), не смогут выехать за границу и отдать детей в элитные школы. Отпетых «двоечников», то есть причисленных к категории «D», ждут низкооплачиваемая работа и отказ в государственной поддержке... Словом, писательский прогноз Олдоса Хаксли (роман «О дивный новый мир», 1932 г.) начинает обретать вполне осязаемые очертания.

Если применять китайскую шкалу для главного героя нашей книги, то по совокупности своих экстравагантных поступков, он, думается, с трудом мог бы устроиться даже грузчиком в магазин «Красное&Белое». Да и то: дикие наскоки на мирные ветряные мельницы провинции Ламанчи, лихое освобождение забубённых каторжников, горячечные попытки среди елзя обыденности воскресить золотой век благородных порывов («Я – тот, повторяю, кому принадлежит воскресить доблесть рыцарей Круглого стола, двенадцати пэров Франции, девяти мужей Славы, затмив собой всех Платиров, Таблантов, Оливантов, Тирантов, Фебов и Бельянисов и все полчища знаменитых странствующих рыцарей минувших времен...» [Сервантес 2018, с. 92 – 93] – все это, согласитесь, потянет не только на стандартный цикл уколов успокоительного, но и на обитую поролоном комнату в учреждении, принципы функционирования которого были заложены

жены в начале девятнадцатого столетия французом Филиппом Пинелем.

Но, если отбросить колючий взгляд хранящего в визуальной памяти тысячи «фоток» из *Instagram* обитателя Земли 2010-х, вырисовывается, похоже, парадоксальная картина. не так уж редко встречающаяся белая зависть к герою, здраво рассуждающего о вещах, что называется вполне обыденных, но вдруг, в одно мгновение, становящегося непредсказуемым невротиком, когда речь заходит о благородных поступках и помощи униженным и оскорбленным. И для выделения таких завистников из людского потока, может стать, вовсе не нужна система распознавания лиц, установленная недавно в московском метро. Можно лишь, пожалуй, воспользоваться рифмованным советом выпускницы Одесского госуниверситета:

Их всегда отличишь от нормальных людей
По готовности с мельницей драться;
По тому, как они с Дульсинеей своей
Ни за что не желают расстаться;
По тому, как они свою честь берегут,
Защищаясь в картонных доспехах,
По тому, как они перед каждым в долгу —
Дон Кихоты двадцатого века

(из стихотворения Ирины Рудневой «Дон Кихоты XX века»).

Поэтесса пишет о рыцарях прошлого столетия, но и сей-

час, на заре века двадцать первого, среди многомиллионных поклонников ТВ-эпосов «Игра престолов» и «Во все тяжкие» неизбежно, уверены, найдутся те, кто, устало посмотрев на в очередной раз залитую *Caffe Americano* клавиатуру, вдруг отчетливо вспомнят прошедший сквозь века месседж от своего давнишнего кумира: «Если хорошенько рассудить, мои сеньоры, то придется признать, что профессия рыцаря превосходит все другие профессии на свете. Все дела людей бледнеют перед подвигами, которые совершают рыцари... Кто осмелится отрицать, что они достойны величайшего уважения, ибо связаны с величайшими опасностями и испытаниями?..» [Сервантес 2018, с. 200 – 201] ... И тут же, возможно, мелькнет мысль о кардинальной смене занятий.

Оглушенный внезапным чувством свободы, наш новоиспеченный кабальеро, скорее всего, даже почувствует внезапный порыв освежающего ветерка, залетевшего на тридцатый этаж Башни «Федерация» (Москва-Сити). Задумавшись о возможных сюрпризах избранного пути, вчерашний лейтенант офисной роты найдет, вероятно, в своей памяти и воодушевляющие слова прославленного идадьго о юридических и экономических особенностях рыцарского поприща: «Разве этому жалкому тупице неизвестно, что странствующие рыцари не подлежат обычному суду, что их закон – меч, их судебник – храбрость, а указы – их собственная воля? Разве он не знает, что ни одна дворянская грамота не дает своему владельцу таких огромных привилегий, какие посвяще-

ние в рыцари дарует счастливому избраннику, принесшему торжественный обет посвятить свою жизнь великому делу странствующего рыцарства? Кто из рыцарей вносит налоги, подати, „туфлю королевы“, поместные пени, речной или дорожный сбор? Какой владелец замка возьмет с него деньги за оказанное гостеприимство, какой король откажется посадить его за свой стол?..» [Там же, с. 223].

Но посмотрите: очарование рыцарскими налоговыми привилегиями обладателя кредитной карты *Tinkoff Bank* было секундным – все-таки человек современный. Как своевременный ушат холодной воды вспомнились действующие инструкции Минфина и строки русского поэта эстонского происхождения:

«Я от бывшего разве отрекусь?
Еще красуюсь, озаряя тазом.
Что золото? Предпочитаю медь.
Заходит ум, израненный, за разум:
Что правда злая рвущемуся сметь?
Мои целуются, впадая, щеки:
Печальный образ избранному дан.
Еще восстану, обличу пороки
И снова раскую я каторжан».
До Страшного Суда все тот же самый
Тщеславный истинный христианин.
Во имя Божия и имя Дамы
На тощей кляче нищий паладин

(из стихотворения Юрия Иваска «Дон Кихот»).

Однако все-таки решимость росла, пробивала себе дорогу, как весенний необузданный ручей во время апрельского половодья... И уже не страшили ни *«тощая кляча»*, ни *«нищий паладин»*. Только надоедливой занозой почему-то садили *«печальный образ избранному дан»*...

1.2. «Кто говорит, что умер Дон Кихот? // Вы этому, пожалуйста, не верьте...» (невероятный фейерверк возвращений героя)

Но, действительно, почему Дон Кихот обязательно *«печальный»*? Нет ли здесь определенного штампа, возникшего с легкой руки весьма острого на язычок его оруженосца: «Если бы эти сеньоры пожелали узнать, кто тот храбрец, который так ловко с ними расправился, скажите им, ваша милость, что это – знаменитый Дон Кихот Ламанчский, по прозвищу Рыцарь Печального Образа» [Сервантес 2018, с. 90]. Нередко попадающему в сети меланхолии любителю рыцарских романов прозвище пришлось по вкусу, и даже появилась мысль изобразить свою печальную физиономию на боевом щите. На что склонный не только к добродушному юмору оруженосец выдает спич, вполне, думается, достойный реприз весьма едких ведущих церемонии вручения *Oskar*: «Довольно вам поднять забрало, и каждый, без всяких изображений на щите, сразу же назовет вас Рыцарем Печального Образа, – уж вы можете мне поверить. Клянусь вам, сеньор. Голод и выбитые зубы так вас украсили, что вы вполне можете обойтись без печального изображения на щите» [Там же, с. 91].

Хотя, пожалуй, было бы явным преувеличением концентрироваться на этой емкой характеристике главного героя романа Сервантеса. Куда же девалась меланхолия в этих двух эпизодах?: «Я один стою сотни, – сказал Дон Кихот. И, не трата лишних слов, он обнажил свой меч и бросился на янгуэсцев. Подстрекаемый отвагой своего господина, Санчо Панса последовал его примеру. С первым же ударом Дон Кихот тяжело ранил одного из погонщиков...» [Там же, с. 54] (о столкновении с погонщиками лошадей из Янгуэса). Не менее впечатляюще была продемонстрирована боевая сноровка идадьго в поединке с участниками похоронной процессии из города Баэсы: «Дон Кихот, и без того взбешенный, бросился на одного из всадников в черном и в мгновение ока свалил его на землю. Затем он с молниеносной быстротой устремился на остальных противников. Казалось, у Росинанта выросли крылья – так легко и горделиво носился он взад и вперед» [Там же, с. 88].

Впрочем, воинственная горячка отважного рыцаря сыграла с ним злую шутку: пытаясь наказать зло, он сам стал ее невольным орудием... Упреки одного из участников скорбного шествия были вполне справедливым: «Уже не знаю, – промолвил лицензиат, – как вы чините правый суд, а только ногу мою вы так починили, что она до конца жизни не выправится; и утешили вы меня так, что я этого вовек не забуду. Поистине приключение это оказалось для меня великим злостью» [Там же, с. 89].

Пусть у Дон Кихота в минуты раздумий, действительно, в основном меланхоличное выражение лица, но кто сказал, что это не может сочетаться с храбростью и неизменным стремлением идти в бой наперекор плохим приметам и сложившимся предрассудкам: «При каждом подходящем случае мы нападаем на врага, не думая о том, длиннее ли его копье, чем наше, нет ли у него волшебного талисмана, не заговорен ли у него меч. Мы не обсуждаем вопроса, кому стать лицом к солнцу, не соблюдаем и других обычаев и церемоний, принятых при поединках придворных рыцарей... Странствующий рыцарь ничуть не растеряется при виде десятка великанов, головы которых выше туч, ноги – огромнейшие башни, руки – словно мачты громадных кораблей, а глаза, величиною с мельничные жернова, сверкают, точно печи с расплавленным стеклом...» [Там же, с. 290 – 291]. *(Заметим: последнее предложение монолога, думается, вполне убедительно говорит не только о мерцающе малых признаках интеллигентской рефлексии у начитанного идадьго, но и о неистощимой фантазии и неудержимом напоре истинно мальчишеского озорства).*

Видимо, чувствуя внутренний дискомфорт от ипохондрической шероховатости отлитого, казалось бы, на века «*Рыцарь Печального Образа*», Дон Кихот сопротивляется, ищет новый образ, пусть даже ценой ничем не оправданного риска: «Наконец он решил, что будет сражаться пешим, так как вид львов может испугать Росинанта. Поэтому, соско-

чив с лошади, он отбросил копье, схватил щит, обнажил меч и медленным шагом, с изумительной отвагой и твердостью, направился прямо к повозке. Поручив себя сначала Богу, а затем сеньоре Дульсинее» [Там же, с. 349].

И неважно, что львы из трусости (а, скорее всего, по причине сытного обеда) так и не вышли из клетки на поединок; более самоценны, пожалуй, вектор действия и свежая фигура речи: «Санчо дал два эскудо, возница впряг мулов, надсмотрщик поцеловал руку Дон Кихота, благодаря за щедрую подачку и обещая рассказать об этом подвиге самому королю, как только прибудет в столицу. – А если его величество пожелает узнать, кто совершил этот подвиг, – заявил тут Дон Кихот, – то скажите ему: Рыцарь Львов, ибо отныне я желаю именоваться Рыцарем Львов, а не Рыцарем Печального Образа» [Там же, с. 351]...

С мечом на льва (вспомним еще: с рогатиной на медведя) – на это способны только отменные смельчаки. А если с голыми руками – да на хищника не менее грозного, чем «царь зверей»? «Пантера мгновенно взвилась на дыбы и подняла обе лапы, и в эту секунду Самсон выхватил из-за пояса мешочек и ловко вытряхнул порошок прямо в глаза зверю. Едкий запах горчицы разнесся в воздухе; пантера завывала и слепо ударила обеими лапами – но Самсон пролетел у нее высоко над головою: в воздухе он повернулся, чтобы упасть лицом к ней, и, как только коснулся земли. Тотчас же кинулся ей на спину... Он продел руки под мышками панте-

ры и сплел их у нее на затылке; ноги просунул между задних лап и каждую из этих лап, почти у бедра, зажал в сгибе своего колена...» [Жаботинский 2006, с. 28 —29].

Для любого другого исход схватки с могучим зверем был бы неочевиден, но для библейского Самсона, который «был сильнее всех людей, живших на свете до него и после; в расцвете зрелости мог повалить кулаком буйвола, перетянуть четырех лошадей...» ([Там же, с. 178 – 179]) победа была закономерной: «... пантера взывала тем голосом, каким кричат все большие звери от последней муки, – голосом, в котором уже трудно отличить породу животного. Передние лапы ее теперь болтались, как пришитые; она еще раз поднялась на задние, еще раз кинулась на спину, чтобы раздавить оседлавшего ее дьявола; но уже пальцы Самсона с двух сторон душили ее глотку...» [Там же, с. 29].

К невероятной мощи бицепсов гармонично плюсовались благородство души, изощренный ум и неукротимая воля пассионария: «Солнце стояло высоко на юге; Самсон повернулся к нему спиной и указал левой рукой прямо вперед. – Изберите двенадцать человек опытных и верных. Пусть будет в их числе земледелец, и пастух, и охотник, и торговец, который знает чужие языки; и пошлите их на север, за пределы Ефрема, за пределы Нафтали, искать новую землю. Там, говорят, много воды и лесов, а туземец ленив, и пуглив, и неразумен. Два удела у Мепассии; будет два удела у Дана» [Там же, с. 47].

Еще не успев осознать произнесенные Самсоном слова, страдавшие от порабощения филистимлянами жители древнееврейского Дана ощутили неодолимое обаяние большого человека, который поведет их за собой: «Из забытых подвалов сознания взвилась, опьяняя, вечная тоска о царе, тайное томление всякой массы – верить, не думать, сбросить муку заботы на одни чьи-то плечи; первозданный инстинкт стадного зверя – буйвола, гориллы, муравья и человека: во-жак! Многим из них, вероятно, было знакомо смутное предание о Моисее; несправедливая повесть, где перечеркнуты сотни имен подстрекателей, повстанцев, организаторов, учителей, строивших народ из рабьего сброда в течение века и дольше, – все перечеркнуто во славу одного имени; повесть несправедливая, но убедительная» [Там же, с. 47].

Не забудем (*пригодятся*) ключевые слова «обаяние» и «большой», и приведем еще два отрывка из романа Владимира Жаботинского «Самсон назорей». Первый – об основном персонаже лихого застолья на постоялом дворе возле филистимского города Тимната: «Он сыпал прибаутками, по большей части такими, что левит в своем углу качал головою, а служанки взвизгивали и закрывали руками лица... Он показывал фокусы: глотал кольца и находил их у соседа за поясом, порылся в седоватой бороде асдотского гостя и вытащил оттуда жука... схватил три глиняные плошки и разом все три подбросил в воздух, поймав одну головой, вторую рукою спереди, третью рукою за спиной. Нако-

нец, когда гости уже надорвались от хохота, и могли только выть, он изобразил в голосах сходку зверей для выбора царя. Иллюзия была полная. Вол ревел, рычала пантера, хрипло и гнусаво хохотала гиена, осел храпел, верблюды злобно урчал, блеяли овцы...» [Там же, с. 15 – 16].

Второй – о диковинном событии у городской стены Газы, там же, в Филистии (*нынешняя юго-западная часть Израиля*): «Через минуту начальник караула, стоявший со своими солдатами где-то на углу, среди неодетых, заспанных горожан, которых он расспрашивал, что случилось – и они его о том же, – вдруг услышал гулкий удар и треск со стороны Железных ворот. Они бросились обратно. Когда добежали, между огромными косяками была только черная дыра: ворота были сорваны с петель и исчезли, а часовой лежал на земле с разбитым черепом... А следов нет. Кто унес ворота, унес их по мощеной дороге, никуда не свернув. – Что же, – гневно сказал саран, – неужели взвалил человек на спину поклажу, которую с трудом волокли сюда четыре буйвола, и побежал с нею так быстро, что конные наши его не нагнали?». [Там же, с. 194 – 195].

Есть догадки, кто этот харизматичный великан? Конечно, Самсон – вожак древнееврейского Дана, проказник, плут, мудрец, рыцарь библейских времен... Но тогда почему это – не библейский Дон Кихот, но только не с печалью на лице, а с озорными замыслами в голове? Не яростный, на грани безрассудства, то боец, то меланхолик, а отважный трикс-

тер, шутя и играючи опрокидывающий сложившиеся стереотипы, ради благой цели сознательно идущий на рискованные действия, защищаясь от невзгод кевларовой броней иронии и артистизма.

Думается, именно так (пусть это будет нашей гипотезой) представлял себе возвращение в словесность XX века бессмертного героя Сервантеса одесский писатель Владимир Жаботинский. Если рыцарь без страха и упрека – то с улыбкой на лице; о благородных поступках – не обязательно с пафосом, более уместно – с иронией и мягким юмором – *одесская выучка!* Но откуда истоки этого оптимизма, этой страстной, захлеб жажды познания жизни во всех ее проявлениях, этой беззаветной, вплоть до мистики, уверенности в существовании ангела-хранителя, наблюдающего за чадом своим со снисходительной улыбкой на лице? А может все дело в близости моря, которое наполняет душу неоглядным простором, неизбывным, как метроном, шумом прибоя; верой в чудесные метаморфозы с теми, кто скользит по его поверхности?:

Туманны утренняя зори,
Плывет сентябрь по облакам;
Какие сны на синем море
Приснятся темным рыбакам?
Темна и гибельна стихия,
Но знает кормчий наш седой,
Что ходят по морю святые

И носят звезды над водой.

*(из стихотворения одесского поэта Семена Кесельмана
«Святой Николай»).*

Ну, а если не только парить над водной гладью? Если прямо в нём, в море, в мириадах брызг, исполнять танец ликующего единения с морской стихией?: «Аддио навсегда! – крикнула Маруся, и меня обдало брызгами, а вдоль лодки с обеих сторон побежали бриллиантовые гребни... Ньюра, Нюта, глядите, я вся плыву в огне; жемчуг, серебро, изумруд – Господи, как хорошо! – Мальчики, теперь можете смотреть: последний номер программы – танцы в бенгальском освещении! – Что-то смутно-белое там металось за горами алмазных фонтанов; и глубоко под водою тоже переливался жемчужный костер, и до самой лодки и дальше добежали сверкающие кольца» [Жаботинский 2010, с. 73 – 74] (отрывок из романа «Пятеро»).

Роман «Самсон назорей» вышел в свет в 1926 году. Владимир Жаботинский дал миру нового героя, соединяющего в себе невероятную физическую мощь с исключительной силой духа, рыцарские качества – с бесшабашностью неистощимого на выдумки пройдохи и шутника. Именно в то время, когда поля Европы были обильно политы кровью солдат Первой мировой войны, а вспышка революционной «сверхновой» октября 1917-го готова была ослепить бурлившие по всему континенту массы обиженных и оскорбленных, по-

явился герой, который, уже лишенный врагами зрения, нашёл для своих соплеменников слова из стали и надежды: «Не два, а три завета передай им от меня: чтобы копили железо, чтобы выбрали царя и чтобы научились смеяться» [Жаботинский 2006, с. 284].

Трудно поверить в такие совпадения (*думается, вернее говорить об определенной закономерности*), но выход «Самсона...» сработал, как своеобразный спусковой крючок. Конец 1920-х, самое начало 1930-х ознаменовался немислимым фейерверком появления произведений писателей-одеситов, которые, по нашему мнению, ознаменовали возвращение в литературное пространство России любимого многими образа Дон Кихота Ламанчского.

Только факты:

1926 г. – «Самсон назорей» Владимира Жаботинского;

1926 г. – «Конармия» Исаака Бабеля;

1927 г. – «Зависть» Юрия Олеши;

1928 г. – «Слово о полку» Владимира Жаботинского;

1932 г. – «Время, вперед!» Валентина Катаева.

Какие имена, какие книги!.. Но позвольте, скажете вы, допущение об этом экстраординарном «залпе из всех рыцарских орудий» ломает привычные филологические классификации, диссонирует со сложившимися представлениями о стилях и направлениях советской литературы довоенного периода (*кроме книг В. Жаботинского, разумеется: к советской словесности их не отнесешь*). Кроме того, можете

вы добавить, какой оптикой разглядеть, например, донкихотство в сценах нещадной мясорубки польского похода 1-й Конной в «Конармии» И. Бабеля. Видимо, также закономерно будет усомниться, в каком из персонажей романа, где главный герой – «красный директор» пищевой промышленности, Андрей Бабичев реализует *idée fixe* общества запретельного обобществления – гипер-столовую со странным названием «Четвертак», можно будет найти благородные черты храброго идадьго («Зависть» Ю. Олеши).

Но давайте разбираться. Сначала о произведении, после публикации которого прославленный командующий 1-й Конной высказался следующим образом: «Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную Армию сплетни, роется в бабьем барахле-белье, с ужасом по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу, выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет» (из статьи Семена Буденного «Бабизм Бабеля из «Красной нови»», напечатанной в журнале «Октябрь», 1924, №3). Между тем есть и другой, более популярный (впрочем, проходящий, скорее, по рангу «боцманского юмора») отзыв командующего об авторе «Конармии»: «В конце 20-х по литературной Москве гуляла такая история: «Буденного как-то раз спросили: «Вам нравится Бабель?» – «Смотря какая баббель», – ответил герой гражданской войны». И усмехнулся в известные всей стране усы» (из статьи Геннадия Евграфо-

ва «Смотря какая бабел...», опубликованной в «Независимой газете» 21.07.2016 г.).

Заметим, однако, что обвинение во лжи и сплетнях командарм выдвигает человеку, который своим мужеством доказал, что может и должен написать правду о гражданской войне: никто не принуждал молодого сотрудника петроградской газеты «Новая жизнь» *добровольно* весной 1920 года направиться в должности военного корреспондента Юг-РОСТА под именем Кирилла Лютова в распоряжение 1-й Конной. Поиски приключений, адреналина под стакатто пулеметных очередей? – нет, скорее дотошность филигранного мастера слова, который готов поставить на *zero*, спустившись «в преисподнюю, чтобы переиграть черта, как скоморох, отправляющийся в инишное царство, чтобы переиграть царя Собаку» (из статьи Геннадия Жарникова «Игра как ценностное переживание мира (игровые стратегии И. Бабеля)»).

Как при обработке фотокарточки в химикатах, искомые черты конармейского идадьго сначала проявляются смутным абрисом: «С двадцати шагов Пашка разнес юноше череп, и мозги поляка посыпались мне на руки. Тогда Трунов выбросил гильзы из ружья и подошел ко мне. – Вымарывай одного, – сказал он, указывая на список. – Не стану вымарывать, – ответил я, содрогаясь. – Троцкий, видно, не для тебя приказы пишет, Павел...» [Бабель 2017, с. 134]. Затем обретают всё большую четкость: «Девяти пленных нет

в живых. Я знаю это сердцем. Сегодня утром я решил отслужить панихиду по убитым. В Конармии некому это сделать, кроме меня. Отряд наш сделал привал в разрушенном фольварке. Я взял дневник и пошел в цветник, еще уцелевший...» [Там же, с. 191].

И, наконец, очерчиваются так явно, словно писатель готов шагнуть с плоскости виртуального снимка прямо к нам, читающим эту античную трагедию: «Почему у меня непроходящая тоска? Потому что далек от дома, потому что разрушаем, идем как вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде» [Там же, с. 303].

Автор, который среди разгоряченных стремительными бросками на запад *кентавров* 1-й Конной пытается найти проблески гуманности и благородства, и, находя их в дозах, приближающихся к статистической погрешности, сам, похоже, вынужден нахлобучить на голову полученный от Дон Кихота волшебный золотой шлем, по-прежнему сильно смахивающий на цирюльничий оловянный таз: «А против луны, на откосе, у заснувшего пруда, сидел я в очках, с чирьями на шее и забинтованными ногами. Смутными поэтическими мозгами переваривал я борьбу классов, когда ко мне подошел Галин в блистающих бельмах. – Галин, – сказал я, пораженный жалостью и одиночеством, – я болен, мне, видно, конец пришел, и я устал жить в нашей Конармии... – Вы слюняй, – ответил Галин, и часы на тощей его кисти пока-

зали час ночи» [Там же, с. 109].

Не хватает только Росинанта... Но, если приглядеться, то вот и он (не доходяга, конечно, но такой же неуместный для рыцарских скитаний): «Мука, которую я вынес с Аргамаком, едва ли не превосходила меру человеческих сил. Тихомолов вел лошадь с Терека, из дому. Она была обучена на казацкую рысь, на особый казацкий карьер – сухой, бешенный, внезапный. Шаг Аргамака был длинен, растянут, упрям. Этим дьявольским шагом он выносил меня из рядов, я отбивался от эскадрона и, лишенный ориентировки, блуждал потом по суткам в поисках своей части, попадал в расположение неприятеля, ночевал в оврагах, прибивался к чужим полкам и был гоним ими» [Там же, с. 200].

Немилосердных *кентавров* на страницах романа «Зависть» не так уж много (все-таки нэпмановская Москва, а не поля сражений на гражданской). Видимо, поэтому Юрий Олеша доспехи Дон Кихота решил примерить не на себя, но зато, как нам думается, на двух персонажей сразу. Но, пожалуй, Николай Кавалеров, главный «завистник» повествования, до благородного идадьго, что называется, «не докрутил»; а Иван Бабичев (старший брат Андрея Бабичева) – харизматичный организатор *заговора чувств* от чрезмерного усилия, видимо, «сорвал резьбу».

Образованный, тонко чувствующий, не лишенный возвышенных порывов, Кавалеров из всей палитры «живописания» собственной судьбы отдал предпочтение, только одной,

будь она неладна, черной краске ревности к чужому успеху: «Замечательный человек, Андрей Бабичев, член общества политкаторжан, правитель, считает сегодняшний свой день праздником. Только потому, что ему показали колбасу нового сорта... Меня раздражает злоба. Он – правитель, коммунист, он строит новый мир. А слава в этом мире вспыхивает оттого, что из рук колбасника вышел новый сорт колбасы. Я не понимаю этой славы, что же значит это? Не о такой славе говорили мне жизнеописания, памятники, история... Значит природа славы изменилась?» [Олеша 2014, с. 187].

Обидно вдвойне, что покрывающая коростой душу зависть взяла верх над человеком с воображением, сведущим в вопросах искусства: «Новый Тьеполо! Спеши сюда! Вот для тебя пирующие персонажи... Они сидят под яркой столической лампой вокруг стола, оживленно беседуют. Пиши их, новый Тьеполо, пиши „Пир у хозяйственника“! Я вижу полотно твое в музее. Я вижу посетителей, стоящих перед картиной твоей. Они ломают голову, они не знают, о чем с таким вдохновением говорит написанный тобою тучный гигант в синих подтяжках... На вилке он держит кружок колбасы...» [Там же, с. 188].

В «прицеле» Дон Кихота – сказочные великаны, принявшие мирный вид огромных ветряных мельниц; мишень взвинченного Кавалерова – размером на порядок меньше. А «безумство храбрых» сменяется, как можно заметить, нешуточной степенью внутреннего дисбаланса: «Шута вы

хотели сделать из меня, — я стал вашим врагом. „Против кого ты воюешь, негодяй?“ — крикнули вы вашему брату. Не знаю, кого имели вы в виду: себя ли, партию вашу, фабрики ваши, магазины ли, пасеки, — не знаю. Я воюю против вас: против обыкновеннейшего барина, эгоиста, сластолюбца, тупицы, уверенного в том, что все сойдет ему благополучно» [Там же, с. 198] ... Итого — Дон Кихот несбывшийся.

А теперь — об идальго воплощенном, но с какой-то, похоже, раблезианской избыточностью. Если облагораживать мир, то чем-то диковинным и поражающим воображение. Можно начать, ни много ни мало, с генератора снов: «С детства Иван удивлял семью и знакомых. Двенадцатилетним мальчиком продемонстрировал он в кругу семьи странного вида прибор, нечто вроде абажура с бахромой из бубенчиков, и уверял, что при помощи своего прибора может вызвать у любого — по заказу — любой сон» [Там же, с. 209]. Правда, сновидение о битве Цезаря с Помпеем при Фарсале увидел не заказчик — отец, а горничная Фрося, но милостиво спишем это на небольшие погрешности в настройках.

Спустя несколько месяцев юный Иван Бабичев поведал родным о новой своей новации: «Будто изобрел он особый мыльный состав и особую трубочку, пользуясь которыми можно выпустить удивительный мыльный пузырь. Пузырь этот будет в полете увеличиваться, достигая поочередно размеров елочной игрушки, мяча, затем шара с дачной клумбы и дальше, дальше, вплоть до объема аэростата, — и то-

гда лопнет, пролившись над городом коротким золотым дождем» [Там же, с. 210].

И, представьте себе, смелые фантазии гимназиста действительно, в один из вечеров воплотились в завораживающее зрелище: «И в исходе дня, когда отец Бабичева пил на балконе чай, вдруг где-то очень далеко, над самым задним, тающим, стекловидным, мелко и желто поблескивающим в лучах заходящего солнца планом его зрения появился большой оранжевый шар. Он медленно плыл, пересекая план по косой линии» [Там же, с. 211]. Впрочем, оказалось, что движущей силой полета оказались не выдающиеся способности юного естествоиспытателя, а элементарная информированность: из расклеенных по городу афиш он узнал, что в тот день над городом должен был пролететь известный аэронавт Эрнест Витолло.

Детские забеги Ивана за фата-морганой удачи уже в зрелые годы закономерно, пожалуй, завершились для выпускника механического отделения Петербургского Политехнического института образом жизни, сильно напоминающим времяпровождение представителей парижской художественной богемы начала двадцатого столетия: «В тот год, когда строился „Четвертак“, Иван занимался промыслом малопочтенным, а для инженера – просто позорным. Представьте, в пивных рисовал он портреты с желающих, сочинял экспромты на заданные темы, определял характер по линиям руки, демонстрировал силу своей памяти, повторяя пятьсот

любых прочитанных ему без перерыва слов. Иногда вынимал из-за пазухи колоду карт, мгновенно приобретая сходство с шулером, и показывал фокусы» [Там же, с. 214].

Однако было бы опрометчивым считать Ивана Бабичева человеком опустившимся, плывущим по океану жизни, что говорить, без руля и ветрил. Перед нами – карбонарий 1920-х со своей мировоззренческой платформой, предводитель так называемого «заговора чувств»: «Я хотел бы объединить вокруг себя некую труппу... видите ли, можно допустить, что старинные чувства были прекрасны. Примеры великой любви, скажем, к женщине или отечеству. Мало ли что! Согласитесь, кое-что из воспоминаний этих волнует и до сих пор... Я хочу встряхнуть сердце перегоревшей эпохи. Лампу-сердце, чтобы обломки соприкоснулись... и вызвать мгновенный прекрасный блеск... я хочу найти представителей оттуда, из того, что мы называем старым миром. Те чувства я имею в виду: ревность, любовь к женщине, честолюбие...» [Там же, с. 220 – 221].

Адепту бурных страстей и трогательных сантиментов в плотной пелене наступающего практицизма все труднее найти своих героев: «Я слушаю чужой разговор. О бритве говорят. О безумце, перерезавшем себе горло. Тут же порхает женское имя. Он не умер, безумец, горло ему зашили, – и снова полоснул он по тому же месту. Кто ж он? Покажите его, он нужен мне, я ищу его. И ее ищу. Ее, демоническую женщину, и его, трагического любовника. Но где его искать?

В больнице Склифосовского? А ее? Кто она? Конторщица? Нэпманша?... героев нет...» [Там же, с. 221].

Путь Ивана тернист, но не лишен азарта и упований на благосклонность фортуны: «... я заглядываю в чужие окна, поднимаюсь по чужим лестницам. Порой бегу за чужой улыбкой, вприпрыжку, как за бабочкой бежит натуралист! Мне хочется крикнуть: «Остановитесь! Чем цветет тот куст, откуда вылетел непрочный и опрометчивый мотылек вашей улыбки? Какого чувства этот куст? Розовый шиповник грусти или смородина мелкого тщеславия? Остановитесь! Вы нужны мне...»» [Там же, с. 221 – 222].

Казалось бы, вот он – беззаветный защитник уходящей эмоциональности, эталонный Дон Кихот начала двадцатого столетия. Но, как и с генератором снов, выверенный расчет будет подмят плотным облаком бурлящего воображения. Иначе чем объяснить, что для реализации своих благородных намерений Иван Бабичев проектирует создание поразительного по своим качествам, но невозможного для того уровня развития техники аппарата: «Машина моя – это ослепительный кукиш, который умирающий век покажет рождающемуся. У них слюнки потекут, когда они увидят ее... Машина – подумайте – идол их, машина... и вдруг... И вдруг лучшая из машин оказывается лгуньей, пошлячкой, сентиментальной негодяйкой!.. она поет теперь наши романсы, глупые романсы старого века, и старого века собирает цветы. Она влюбляется, ревнует, плачет, видит сны... Я сделал

это. Я насмеялся над божеством этих грядущих людей, над машиной. И я дал ей имя девушки, сошедшей с ума от любви и отчаяния, – имя Офелии...» [Там же, с. 234]...

То есть, прямо-таки миловидный андроид с начатками искусственного интеллекта? – и это за сорок один год до создания японской компанией *Kawasaki* первого промышленного робота! Позволим себе краткий вывод: несмотря на сонм возвышенных идей и интересных новаций, Иван Бабичев, вернее всего, – шарж на Дон Кихота, пусть не язвительный, скорее – сочувствующий, но шарж.

Валентин Катаев, создатель романа «Время, вперед!» о строительстве Магнитогорского металлургического комбината, видимо, чтобы избежать весьма заметного в «Зависти» эффекта «недолёт – перелёт», решил, как нам представляется, всю ответственность по настройке оптического прицела для надежного попадания в образ современного Дон Кихота поделить между главным героем – инженером Маргулиесом и собой – автором. Несколько неожиданно, не правда ли?

Для пояснения попробуем сделать небольшой экскурс во времена, отстоящие от нас на пять столетий: «В середине 16 века в Западной Европе возникла новая идеология. Ко времени, когда Сервантес сел за роман, она уже распространилась на многие страны. Ее основные принципы гласят: Бог настолько всевластен, что где-то там, в бесконечности, за бесконечное количество лет до твоего рождения

предопределил тебя к раю или аду. Сколько бы ты не молился – зря: куда предопределен, туда и отправишься. Столяр ты или римский папа – без разницы. Но выход есть, он – в твоём стремлении к совершенству, в сердечном отношении к собственному труду, к его качеству, ибо они – земное воплощение Троицы. Лишь благодаря наличию этих трех основ в себе, ты можешь предполагать, что ждет тебя на исходе: смола кипящая или солнечный луг» (из статьи *Олега Малащенко «Сервантес – путь к совершенству»*).

Но как это достаточно смелое утверждение «работает» в отношении повествования о странствиях благородного кабальеро? – продолжим цитирование автора публикации: «Некто Дон Кихот поставил на себе эксперимент: покинул родной скотный двор и совершил череду деяний, руководствуясь „юридическими“ нормами Кодекса рыцарской чести. Свою главную цель он декларирует в романе так: хочу добиться, чтобы обо мне написали такой рыцарский роман, который превзошел бы все рыцарские романы, которые написаны в прошлом и будут написаны в будущем. Главная цель его стремянного, бывшего „председателя сельсовета“ Санчо Пансо, – стать лучшим в мире губернатором. Для ее достижения он опирается на „юридические“ нормы Кодекса обыденной народной мудрости, т.е. пословиц и поговорок. Главная цель Сервантеса (писатель также декларирует ее в романе): хочу написать лучший рыцарский роман из всех, написанных до меня, и из всех, которые будут написаны после»

(Там же).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.